

Семен
ИНДУРСКИЙ

Мей 2023-1987 14 орт - С-16

А ЭТО МНЕ РАССКАЗАЛ

1. Арам ХАЧАТУРЯН

Однажды на отдыхе мы встретились с Арамом Ильичем Хачатуряном в одном санатории. Узнав, что я коллекционирую редакционные улыбки, композитор сказал:

— Тогда запишите и мою, если подойдет.

На мой вопрос, какое отношение имеет Арам Ильич к газетной кухне, тот ответил: самое прямое. Но не самое радостное. И вот что рассказал:

— Однажды очень уважаемая газета попросила меня выступить на важную тему: о молодых, подающих надежду композиторах. Поскольку тема волновала и меня — я дал согласие. Несколько недель я специально ходил по концертам в больших и малых залах, посещал занятия в консерватории, встречался с педагогами. В результате родилась статья-раздумье. В ней я особенно отметил одно молодое дарование, о котором был, что называется, свой почерк, своя манера письма... Статью напечатали мгновенно, но... не лучше бы она не выходила. Главный абзац о молодом оригинальном даровании почему-то выпал. Передо мной извинились, но попытку печатать не стали, видимо, берегли честь мундира...

Мне не оставалось ничего другого, как напечатать этот абзац, но уже в реплике и в другом издании. И, представьте, эффект от этой маленькой заметки был гораздо большим, чем от статьи. С тех пор, когда я вижу большие статьи, я невольно думаю: а нельзя ли было их сократить до одного, но самого главного абзаца? И дело бы от этого только выиграло.

2. Ираклий АНДРОНИКОВ

Произошло то, что может произойти только с одним-единственным собеседником — Андрониковым.

Но, если угодно, мы оба в какой-то степени повинны в случившемся. Ираклий Луарсабович симпровизировал устный рассказ, что явно вышло за рамки интервью. А я, увлекшись спектаклем одного зрителя, позабыл о цели встречи.

— Давняя телевизионная передача, — начал Ираклий Андроников, — шла из квартиры Горького. Шла без репетиций, без записи, что называется, живьем. Я выступал в роли экскурсовода. Мне хотелось как можно ярче рассказать о вещах, окружавших Алексея Максимовича. К счастью, сохранились грампластинки, которые по вечерам любил слушать Горький. Я решил включить в программу одну из песен в исполнении его друга Шалаяпина. Когда наступило время поставить пластинку на диск, помощник режиссера вдруг побледнела, стала делать какие-то странные движения руками, отмицательно мотать головой и что-то шептала...

Я поймал себя на мысли, что говорю об одном, а думаю о другом. И тут вспомнил: в сети нет нужного напряжения, пластинка, поставленная на диск, будет вращаться в замедленном темпе, послышится треск и шум, никто не поверит, что такую «музыку» любил по вечерам слушать Горький. А между тем я уже держал в руках злополучную пластинку и вот-вот должен назвать песню и ее исполнителя.

Теперь уже все, кто занимался передачей и не входил в кадр, ожесточенно жестикулировали. Один стоял у розетки и, как ему, вероятно, казалось, яснее ясного сигнализировал мне: не ставь. Андроников, пластинку другой держал рыву у горла, полагая, что я пойму: голос не звучит: то есть сложил руки крест-накрест, не то умоляя, не то предостерегая: поставив пластинку — все пропало.

Неожиданно для самого себя я нашел выход. Я попросил показать пластинку крупным планом и сказал: вот эту пластинку любил слушать по вечерам Алексей Максимович. Можно сейчас поставить эту пластинку, а можно ее и не ставить. Пожалуй, лучше сделаем это в другой раз.

Я посмотрел в сторону товарищей. Все они, словно сговорившись, послали мне воздушные поцелуи.

После этого друзья говорили, что я держусь перед телекамерой удивительно просто и естественно, что я просто рожден для голубого экрана.

— Если бы они видели, какой ценой дается мне эта кажущаяся простота, они бы не восторжались мною, а искренне сочувствовали, — закончил свой рассказ Ираклий Луарсабович.

3. Арутюн АКОПЯН

Народный артист СССР, победитель многих конкурсов факиров Арутюн Акопян по моему совету стал записывать любопытные истории из своей гастрольной жизни. Некоторые из них я затем взял в свой блокнот «Редакционные улыбки»...

Раз в году — в апрельский день своего рождения — Акопян позволял себе, как он говорит, небольшую шалость. Однажды во время гастрольей во Франции, где актеры его профессии пользуются особой популярностью, с ним случилась неприятность: засорился глаз, а до выступления в телевизионной гран-программе осталось не больше часа. Попытки своими средствами справиться с недугом были бесполезны. Ясно, что без окулиста не обойтись. Переводчик повел его к знаменитости. Стояла жара, окна раскрыты.

Акопян достал из грязного стакана гадусу и... все отчетливо увидел, как он со всей силой швырнул его за окно. По-

том тем же путем он отправил на улицу какой-то хрупкий прибор со стола доктора.

Тот схватился одной рукой за голову, другой — за сердце и закричал: это стоит тысячи франков... больному нужен не окулист, а психиатр.

В шоке был и переводчик. Он даже сделал попытку остановить Акопяна. Но Арутюн Амаякович, улынувшись, водрузил на место и термометр, и прибор. И уже потом сел в кресло.

— Вы и есть мистер Акопян? Денег я с вас не возьму. Но автограф оставьте. И еще: позвоню знакомому репортеру, пусть напишет, что в трудную минуту великий фокусник обратился ко мне. Лучшей рекламы мне и не снилось...

В другой раз и в другой стране Акопян отправился на базар, который считается здесь самой большой достопримечательностью. Подошел к женщине, торговавшей яйцами:

— Свежие?

— Все товар свежий.

— Я улпачу за три штуки, чтобы удостовериться.

Разбил яйцо и на глазах у торговки вынул... золотое кольцо. Достал белоснежный платок, протер кольцо, разбил второе яйцо и повторил фокус. Группа людей, оказавшаяся рядом, не верила глазам своим. А Акопян вытащил из следующего яйца новенькое кольцо. За считанные минуты образовалась очередь за покупками. Но хозяйка проворно накрыла фартуком корзину, сообщив, что торговать более не будет. И стала лихорадочно озвучивать одно яйцо за другим, но, естественно, безрезультатно. А толпа росла. Подоспел страж порядка.

— Кто оплатит мне убытки? — вопила женщина...

В разделе «Хроника» газета сообщила об этом происшествии, сделав оригинальный вывод: человек полюбил яйца, по закону мог спелать с ними все, что ему заблагорассудится, тем более что ни один человек не пожелался на поправку каких-либо драгоценностей...